
ПРОБЛЕМА В ФОКУСЕ: ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА САМОЙЛОВИЧА ДРИККЕРА (1941–2020)

Кальницкая Е.Я.

ЦАРЬ И ПОЭТЫ: ПЕТЕРГОФСКИЙ ЭТЮД

Кальницкая, Елена Яковлевна—доктор культурологии, генеральный директор ГМЗ «Петергоф», Россия, Санкт-Петербург, Петергоф, samson@peterhofmuseum.ru.

Очерк, представляющий собой отрывок из будущей книги, повествует о петергофской повседневности XIX века, в которой находили отражение разные стороны интеллектуальной жизни России, значительную роль играла литература. В Петергофе жили европейские принцессы, жены великих князей, изучавшие русский язык, который нередко преподавали им известные литераторы, в частности, Василий Андреевич Жуковский.

Ключевые слова: Петергоф, русская литература, история, культура, музей.

THE KING AND THE POETS: PETERHOF ETUDE

Kalnitskaya, Elena Yakovlevna—Doctor of Cultural Studies, General Director of GMZ “Peterhof”, Russian Federation, St. Petersburg, Peterhof, samson@peterhofmuseum.ru.

The essay, which is a part from a future book, tells about the Peterhof everyday life of the 19th century, in which different aspects of the intellectual life of Russia were reflected, and literature played a significant role. In Peterhof lived European princesses, wives of grand dukes, who studied Russian language, which was often taught to them by famous writers, in particular, Vasily Andreevich Zhukovsky.

Key words: Peterhof, Russian literature, history, culture, museum.

С любовью и уважением вспоминаю Александра Самойловича Дриккера. Истинный ленинградский интеллигент, знаток, философ, в профессии и в жизни, оригинально мыслящий человек, блестящий мужчина, который нравился дамам всех возрастов. Зная его много лет, со времен Русского музея, за долгие годы никогда не видела его раздраженным, недовольным, обиженным—хотя поводов было сколько угодно. Мне казалось, что на жизнь он смотрел несколько отстраненно, настолько глубоким был его внутренний мир. Во всем он был абсолютно самодостаточен. Когда я закончила работу над докторской диссертацией, мне было так важно знать его мнение, что я—единственный раз—волновалась. Но наш разговор был традиционно доброжелательным, конкретным и оптимистичным, и мне это помогло. Он много раз приезжал ко мне в Петергоф, привозил друзей, и мы вместе гуляли по паркам и сидели за столом... Сегодняшняя жизнь не притупила чувств: Александра Самойловича будет не хватать многим—родным, друзьям, ученикам. Но такой человек был в нашей жизни, и мы будем его помнить. В память о нем впервые предлагаю к публикации фрагмент своей будущей книги о петергофской

жизни, которая еще в работе. Хочу верить, что ему было бы интересно ее полистать. Светлая память...

В петергофской повседневности находили отражение разные стороны интеллектуальной жизни России, немаловажную роль играли литература и словесность. В Петергофе в разное время оказались все европейские принцессы, жены великих князей, обретавшие новую родину и начинавшие изучать ее язык, который нередко преподавали им литераторы. В 1817 году учителем русского языка принцессы Шарлотты Прусской — великой княгини Александры Федоровны — стал поэт Василий Андреевич Жуковский. Новоявленный педагог близко соприкоснулся с жизнью императорской семьи, в которую вместе с ним незримо вошел А.С. Пушкин.

Отношения друзей-поэтов были близкими, а судьбы разными. Пушкин происходил из небогатого знатного московского рода, жизнь Жуковского начиналась в средней полосе России, где помещик А.И. Бунин в 1770 году получил от приятеля в подарок двух сестер-турчанок, взятых в плен при штурме Бендер. Старшая, Сальха, прижилась в его семье, сошлась с хозяином и родила ему трех дочерей и в 1783 году — мальчика Василия, которого усыновил живший у Буниных обедневший помещик А.Г. Жуковский. Получив образование в барском доме, Василий Жуковский учился в Благородном пансионе при Московском университете, где познакомился с Карамзиным, братьями Тургеневыми и братьями Пушкиными. Много лет спустя 33-летний Жуковский встретил в Царском Селе 17-летнего Пушкина, и, быть может, арапские корни Пушкина и турецкие — Жуковского способствовали их сближению.

Принцесса Шарлотта оказалась в России вскоре после завершения войны с Наполеоном, когда национальная гордость достигла апогея, а русский язык зазвучал при дворе шире, чем прежде. Общение великой княгини с Жуковским тоже сделало свое дело. «Ее моральный кодекс и ее катехизис — это была лира поэта», — писала фрейлина А.Ф. Тютчева¹.

В 1826 году Жуковский становится воспитателем шестилетнего цесаревича Александра Николаевича и лично участвует в составлении его образовательной программы. Николай I придавал большое значение гуманитарным наукам — истории, которую любил, и литературе, ценителем которой не был, заявляя: «Литература наша — совершенная мерзость». Тем не менее, Николай I выступил инициатором создания библиотеки во дворце Коттедж, которая входила в состав «Собственных Его Императорского Величества библиотек» и насчитывала 9 тысяч томов. В императорской семье читали произведения русских писателей, однако книг на русском языке в библиотеке было немного: сочинения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Лажечникова и самого Жуковского. Государь соглашался с мнением воспитателей, что его детям непозволительно не знать русскую словесность, и позволял преподавателям словесности П.А. Плетневу и П.Г. Ободовскому читать им литературные новинки.

Но если в повседневную жизнь Коттеджа сочинения Пушкина входили спокойно, то в придворной жизни Петергофа летом 1834 года развернулись драматические события, связанные с поэтом. 3 июня Пушкин пишет в дневнике: «3-го июня обедали мы у Вяземского: Жуковский, Давыдов и Киселев. ... Цари уехали в Петергоф»². Это

¹ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и дневники / Пер. с франц. Л.В. Гладковой. М., 2004. С. 51.

² Пушкин А.С. Дневники // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л. 1978. Т. 8. С. 40.

означало, что с наступлением лета состоялся переезд семейства Николая I в Александрию. Вслед за «царями» в Петергоф в скором времени предстояло прибыть самому Пушкину.

В конце декабря 1833 года поэт получил придворное звание камер-юнкера, и с этого времени ему необходимо было участвовать во всех придворных церемониях, в том числе в Петергофском празднике. До 1828 года он проходил в день тезоименитства вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и в 1818 году, когда Пушкин гостил в Петергофе на даче Н.М. Карамзина, он вместе с ним приезжал в Нижний парк. Со временем датой праздника стало 1 июля—день рождения императрицы Александры Федоровны. Пушкин вновь оказался в этот день в Петергофе в 1833 году, где его видел его знакомый С.М. Сухотин, который писал: «Государь с царской фамилией ехал в линейке и, увидав шедшего близ дороги Пушкина, закричал ему: «Bonjour, Pouchkine!»—«Bonjour, Sire!»—почтительно, но непринужденно отвечал ему Пушкин»³.

В 1834 году камер-юнкер Пушкин получил желанную для многих «повестку»—официальное приглашение на Петергофский праздник, и присутствовать на нем был обязан. Очевидно, за первые месяцы года поэт в своем новом звании уже успел проигнорировать царские приглашения, а, возможно, еще не имел стоившего немалых денег мундира, поэтому он заранее известил обер-камергера Ю.П. Литта, что по нездоровью присутствовать в Петергофе не сможет. Причиной, по которой Пушкин не хотел ехать «к фонтанам» стало, скорее всего, его нежелание встречаться с императором, которого должен был поблагодарить за крупный заем из казны. Пушкин мог опасаться унижительного «царского» выговора: по Петербургу ходили слухи о его крупном карточном проигрыше.

В обществе нашлись люди, понимающие его настроение: впервые появляться в праздничной толпе в новом облике поэту не хотелось. «Певец свободы, наряженный в придворный мундир, для сопутствования жене-красавице, играл роль жалкую, едва ли не смешную. Пушкин был не Пушкин, а царедворец и муж. Это он чувствовал глубоко. К тому же светская жизнь требовала значительных издержек, на которые у Пушкина часто недоставало средств. Эти средства он хотел пополнять игрою, но постоянно проигрывал, как все люди, нуждающиеся в выигрыше»,—писал В.А. Соллогуб⁴.

Ожидая приглашения со дня на день, Пушкин 25 июня написал и отослал А.Х. Бенкендорфу прошение об отставке, попросив при этом сохранить за ним право работы в архивах. По стечению обстоятельств это был день рождения императора, который по церемониалу принимал с утра поздравления. Возможно, о прошении поэта он уже знал, во всяком случае, В.А. Жуковский обратил внимание на необычное раздражение Николая I.

26 июня Пушкин получил из Придворной конторы повестку, в которой говорилось: «От Двора Его Императорского Величества через сие объявляется господам стетс-дамам, камер-фрейлинам, фрейлинам, господам придворным кавалерам и все тем, кои ко двору приезз имеют. Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: в наступающий будущего июля 1-го числа, праздник рождения Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны съезжаться всем знатным обою пола особам, а также гвардии и армии штаб и обер-офицерам в Петергофский Дворец того дня поутру в 11-ть часов, для слушания Божественной литургии и принесения поздравления Их Императорским Величествам и Их Императорским Высочествам, и быть дамам

³ [Сухотин С.М.] С. Из воспоминаний молодости // Русский архив. 1864. Кн. 10. Стлб. 1086.

⁴ Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 468.

в платьях со шейфами, а кавалерам в парадных мундирах»⁵. Вторая повестка содержала приглашение на традиционный вечерний маскарад.

Получив приглашения, но не имея еще ответа от Бенкендорфа, Пушкин 28 июня делится своими планами с женой, уехавшей с детьми из города: «Мой Ангел, сейчас послал я к графу Литта извинение в том, что не могу быть на Петергофском празднике по причине болезни. Жалею, что ты его не увидишь; *оно того стоит* (курсив мой — Е.К.). Не знаю даже, удастся ли тебе когда-нибудь его видеть. Я крепко думаю об отставке»⁶.

Пушкин лукавил: прошение в это время уже было в Петергофе, где вечером 30 июня в Большом дворце проходил бал, традиционно открывавший Петергофский праздник. Присутствовавший на нем Жуковский о прошении Пушкина об отставке уже знал и мог в тот вечер говорить с царем о судьбе друга. Вероятно, что вечером того дня Пушкин мог получить от Жуковского известие о разговоре с царем и недовольстве Николая I: император рассчитывал на исторические сочинения великого поэта. Скорее всего, Жуковский посоветовал другу не обострять ситуацию демонстративным отсутствием на своем первом Петергофском празднике в новом статусе.

Усилия Жуковского возымели успех: на другой день, 1 июля, Пушкин прибыл в Петергоф, хотя накануне писал Натали: «Завтра Петергофский праздник, и я проведу его на даче у Плетнева вдвоем. Будем пить за твое здоровье»⁷. Значит, решение он изменил в последнюю минуту, и в Петергофе его видели в толпе гостей,

«Каждое 1-е июля весь Петербург устремлялся в Петергоф, большой сад которого очаровательно иллюминировали в честь императрицы, и весь двор длинной вереницей линеек совершал процессию среди этого моря огней. На одном из этих диванов на колесах я увидел Пушкина, смотревшего угрюмо. Он только что получил звание камер-юнкера. Кроме членов двора никто не имел право на место в линейках. Может быть, ему не нравилось это», — записал Вильгельм Ленц, писатель и критик⁸.

Владимир Соллогуб тоже видел поэта в придворном экипаже: «Пушкина я видел в мундире только однажды, на петергофском празднике. Он ехал в придворной линейке, в придворной свите. Известная его несколько потертая альмавива драпировалась по камер-юнкерскому мундиру с галунами. Из-под треугольной его шляпы лицо его казалось скорбным, суровым и бледным. Его видели десятки тысяч народа не в славе первого народного поэта, а в разряде начинающих царедворцев»⁹. В Петергофе Пушкин, безусловно, имел возможность увидеться и поговорить с Жуковским, и, быть может, для этого он и приехал.

3 июля на приеме в честь императрицы в Александрии царь беседовал с Жуковским, который после этого отправил Пушкину полную беспокойства записку. «Государь говорил со мной о тебе. Если бы я знал наперед, что побудило тебя взять отставку, я бы ему объяснил все, но так как я и сам не понимаю, что могло тебя заставить сделать глупость, то мне и ему нечего было отвечать», — писал Жуковский¹⁰.

⁵ *Пушкин А.С.* Документы к биографии: 1830–1837 / Сост. С.В. Березкина, В.П. Старк; Подгот. текстов С.В. Березкиной, И.В. Васильевой, А.В. Дубровского, Т.И. Краснобородько, А.С. Лобановой, В.П. Старка; Примеч. С.В. Березкиной. СПб., 2010. С. 429.

⁶ Письма А.С. Пушкина к жене. Сост., статья и коммент. Я.Л. Левкович. СПб., 2019. С. 83.

⁷ Там же. С. 84.

⁸ [Ленц В.В.] Приключение лифляндца в Петербурге // Русский архив. 1878. Т. 1. С. 451.

⁹ *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. М., 1936. Т. 2. С. 209.

¹⁰ Там же. С. 209–210.

Николай I принимал в те дни высокого гостя — принца Фридриха-Вильгельма, будущего короля Пруссии, старшего брата Александры Федоровны, и они вместе присутствовали на важном событии — освящении храма во имя Святого Александра Невского — Готической капеллы в Александрии, что могло смягчить настроение царя.

Жуковский понимал, что Пушкин стоит перед нелегким выбором: прежнее положение и контроль над творчеством или опала и новые гонения. Поэтому он убеждал друга отослать Бенкендорфу отказ от отставки с объяснениями, и Пушкин принимает совет. «Несколько дней назад я имел честь обратиться к вашему превосходительству с просьбой об отставке. В виде неприличия этого шага я умоляю вас, граф, не давайте моей просьбе хода. Я предпочитаю казаться непоследовательным, чем неблагодарным», — пишет он Бенкендорфу 3 июля¹¹. И хотя ситуация уже кажется ему необратимой, и поэт добавляет: «Буду ждать решения участи моей, но, во всяком случае, ничто не изменит чувства глубокой преданности моей к царю и сыновней благодарности за прежние его милости»¹².

6 июля в Петергофе происходит разговор Жуковского с шефом жандармов. «Потру у Бенкендорфа о Пушкине», — пишет он в дневнике¹³. Узнав, что поэт справился со своими эмоциями и просит остановить ход дела об отставке, старый друг ходатайствует об удовлетворении этой просьбы, а затем позволяет себе выплеснуть на Пушкина свои чувства: «Напиши немедленно письмо и отдай графу Бенкендорфу. Я никак не воображал, чтобы была еще возможность поправить то, что ты так безрассудно соблаговолил напакостить. Если не воспользуешься этой возможностью, то будешь то щетинистое животное, которое питается желудями и своим хрюканьем оскорбляет слух всякого благовоспитанного человека; без галиматьи, поступишь дурно и глупо, повредишь себе на целую жизнь...»¹⁴.

Высокое петергофское положение позволило Жуковскому примирить царя и поэта, хотя он, скорее всего, не понимал, что решение Пушкина было одномоментным порывом. Спустя пару недель поэт признавался Натали: «Надобно тебе поговорить о моем горе. На днях хандра меня взяла, подал я в отставку, но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я вструхнул, и Христом и богом прошу, чтобы мне отставку не давали»¹⁵.

К чести Бенкендорфа заметим, что он удовлетворил просьбу Пушкина и вернул Жуковскому его письма, где поэт униженно признавался в преданности царю. Теперь поэту был предоставлен отпуск для устройства семейных дел, и на три месяца он освобожден от придворных мероприятий.

14 мая 1835 году у Пушкиных родился второй ребенок — сын Григорий. Через три недели, 8 июня, Надежда Осиповна Пушкина напишет дочери О.С. Павлицевой о состоянии невестки: «... Наташа поручила мне обнять тебя, на этот раз она слаба и только недавно покинула свою спальню, она не решается ни читать, ни работать, у нее большие проекты по части развлечений, она готовится к петергофскому празднику, который будет 1 июля»¹⁶.

¹¹ Там же. С. 210.

¹² Там же.

¹³ *Иезутова Р.В.* Пушкин и «Дневник» В.А. Жуковского 1834 года // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 228.

¹⁴ *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни. С. 210.

¹⁵ Письма А.С. Пушкина к жене... С. 88. «Абшид» — отставка, военный термин XVIII века.

¹⁶ Пушкин в переписке родственников / Публ., предисл. и коммент. В. Враской // Александр Пушкин. Литературное наследство. М., 1934. Т. 16/18. С. 792.

Действительно, в назначенный день Пушкин привез красавицу-жену в Петергоф. Поэт прибыл в царскую резиденцию в ненавистном мундире камер-юнкера: необходимый форменный комплект ему подарили супруги Вяземские и А.О. Смирнова-Россет. В день праздника поэт не только гулял в парке, но был на приеме в парадных залах Большого дворца. «Петергофский праздник удался как нельзя лучше. Александр был на празднике с Наташей. Наташа была, говорят, очаровательна, чему я вполне верю: после ее последних родов красота ее в полном блеске», — писала дочери Н.О. Пушкина¹⁷. В 1836 году Пушкин был в трауре по умершей матери, и на празднике по уважительной причине отсутствовал. Зато в то лето Петергоф посетил Жорж Дантес...

Жуковский и Плетнев по-прежнему старались серьезно знакомить своих воспитанников с сочинениями Пушкина: «Полтава», «Бахчисарайский фонтан» и «Борис Годунов» были им хорошо знакомы. Фрагменты текстов наследники учили наизусть, обсуждали напечатанную в «Современнике» «Капитанскую дочку». Официальную версию отношений императора и поэта изложит Ольга Николаевна, убежденная в справедливости своих слов: «Папа освободил Пушкина от всякого контроля цензуры. Он сам читал его рукописи. Ничто не должно было стеснять дух этого гения, в заблуждениях которого Папа никогда не находил ничего иного, кроме гонения мятущейся души. Все архивы были для него открыты, он как раз собирался писать историю Петра Великого, когда смерть его похитила»¹⁸. После гибели Пушкина Николай I заплатил его долги и положил большую пенсию жене и детям. В пользу семьи за государственный счет были изданы сочинения А.С. Пушкина. В память погибшего друга Плетнев взял его журнал «Современник» и успешно издавал. Жизнь пошла дальше...

По удивительному стечению обстоятельств летом 1834 года в историческом пространстве фонтанной резиденции пересеклись пути двух великих поэтов: на том же празднике присутствовал двадцатилетний Михаил Лермонтов, воспитанник Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, который в 1833 и 1834 годах проводил лето в петергофских кадетских лагерях. Николай I одобрял участие кадетов в самом ярком событии сезона, и в своей поэме «Петергофский праздник» молодой Лермонтов описал гулянье и его участников. Продолжалась юнкерская поэма рассказом о непристойных приключениях бравого гусара в шумной толпе. Юнкерская поэзия, рожденная атмосферой закрытого мужского сообщества и полная грубоватого цинизма, для печати не предназначалась, но долю сомнительной популярности автору принесла. Император Николай I, совершенно естественно, этих стихов не знал: его знакомство с творчеством Лермонтова началось со стихотворения «Смерть поэта».

27 января А.С. Пушкин стрелялся с Дантесом, и 29 января, когда Пушкина не стало, потрясенные современники столкнулись с исключительным для своего времени явлением — стихотворением Лермонтова. Страстные строки переписывались в тысячах экземпляров и заучивались наизусть, а Жуковский читал их наследнику — Александру Николаевичу. 7 февраля появились еще шестнадцать строк, которые вызвали реакцию властей, и в конце месяца Бенкендорф доложил Николаю I, что «гусарский офицер Лермонтов» арестован.

«Вступление к этому сочинению дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступное», — писал шеф жандармов¹⁹. Отзыв императора на стихи хорошо

¹⁷ Вересаев В.В. Пушкин в жизни. С. 235.

¹⁸ Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1823–1842 // Николай I: Муж. Отец. Император / Сост., предисл. Н.И. Азаровой. М., 2000. С. 225.

¹⁹ Цит. по: Мануйлов В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М., 1964. С. 72.

известен: «Приятные стихи, нечего сказать (...). Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого молодого человека и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону»²⁰. Тогда было заведено «Дело о непроизвольных стихах», изменившее жизнь Лермонтова...

Вскоре после этого, на Петергофском празднике 1 июля 1837 года Николаю I представлялся старший сын французского посла Проспера де Баранта — Проспер-Клод-Иньяс-Констант Брюжьер, барон де Барант, атташе посольства. Через год в Петербурге появился его младший брат Эрнест-Себастьян Брюжьер, которого отец выписал в Россию для подготовки к серьезной карьере. Зимой 1840 года на балу у графини Лаваль произошло столкновение младшего де Баранта с Михаилом Лермонтовым, поскольку оба они в тот вечер ухаживали за одной и той же дамой. Высказанные колкости, шуточный стишок, нелестные слова о французах, и, в итоге, — дуэль и ссылка Лермонтова на Кавказ и срочный отъезд де Баранта из Петербурга. Его отец еще не забыл те проблемы, которые возникли у французского посольства после дуэли Пушкина, соучастником которой стал атташе виконт д'Аршиак. Однако в день смерти Пушкина де Барант, единственный из членов дипломатического корпуса, посетил дом поэта и отдал дань уважения его памяти.

Тем не менее, владельцы Петергофа продолжали читать Лермонтова. «Сегодня мы отправились в церковь, сани играли большую роль. Вечером — русская поэма Лермонтова «Демон» в чтении Перовского, что придавало еще большее очарование этой поэзии. — Я люблю его голос, всегда немного взволнованный и как бы запинаящийся от чувства», — писала императрица 10 февраля 1839 года²¹. Чтение поэмы происходило зимним вечером в петергофском Коттедже, куда 20 января 1839 года императорская семья приехала из Петербурга.

Отношение Николая I к творчеству Лермонтова не изменялось, хотя библиотеку Коттеджа сочинения поэта пополняли. Весну 1840 года императорская семья проводила за границей на водах, и по пути домой император читал роман «Герой нашего времени», недавно вышедший отдельным изданием. «Я дочитал до конца *Героя* и нахожу вторую часть отвратительной, вполне достойной быть в моде. Это то же самое изображение презренных и невероятных характеров, какие встречаются в нынешних иностранных романах. Такими романами портят нравы и ожесточают характер», — писал он супруге²². Этот вердикт он вынес в то время, когда осужденный за дуэль с Барантом Лермонтов прибыл в Ставрополь, в главную квартиру командующего войсками Кавказской линии. С этого времени император собственноручно вычеркивал фамилию поэта из списка отличившихся и представленных к награде воинов.

В 1841 году императорская семья узнала о кончине поэта, и в Петергофе император заявил семье за столом: «Получено известие, что Лермонтов убит на поединке, собаке — собачья смерть!»²³. Его сестра, великая княгиня Мария Павловна, отнеслась к этим словам с горьким укором, и Николай Павлович внял ей. По словам очевидца, он, «пошедши назад в комнату перед церковью, где еще оставались бывшие у богослужения лица, сказал: «Господа, получено известие, что тот, кто мог заменить нам Пушкина, убит»²⁴.

²⁰ Там же.

²¹ Цит. по: М.Ю. Лермонтов: Петергоф, поэт, эпоха. СПб., 2914. С. 35.

²² Там же. С. 35–36.

²³ *Бартенев П.И.* Николай Павлович о Лермонтове // Русский архив. 1911. № 9. С. 160.

²⁴ Там же.

«Вздых о Лермонтове, об его разбитой лире, которая обещала русской литературе стать ее выдающейся звездой», — писала Александра Федоровна графине С.А. Бобринской²⁵. Несколько лет спустя, в августе 1846 года, Петергоф покидали Константин Николаевич и Ольга Николаевна, отправляясь на борту парохода «Камчатка» в Европу: Ольга после свадьбы отбывала на родину принца Карла Вюртембергского, Константин ехал для знакомства со своей будущей невестой принцессой Саксен-Альтенбургской. В дороге оба они читали «Героя нашего времени».

Принято считать, что в творчестве Лермонтова Петергоф запечатлен не только в юношеской юнкерской поэзией. Известно, что возле Монплезира лодочники предлагали юношам из кадетских лагерей морские прогулки. Однажды у стоявшего на берегу юного Лермонтова, глядящего в туманную даль, в голове родился знаменитый «Парус» — стихотворение, которое станет для русских читателей выражением свободолюбивых настроений. О «Парусе» поэт скажет: «Вот еще стихи, которые я сочинил на берегу моря». Источником этой петергофской легенды (или не легенды?) стал очерк Анны Ахматовой «Все было подвластно ему», в котором говорится: «Он не увидел царские парки с их расстреллиями, камеронами, лжеготикой, зато заметил, как “сквозь туман кремнистый путь блестит”. Он оставил без внимания знаменитые петергофские фонтаны, чтобы, глядя на Маркизову Лужу, задумчиво произнести: «Белеет парус одинокий...»²⁶.

Ум, талант и честь В.А. Жуковского помогали его воспитанникам в трудных житейских ситуациях, он передал им свое миропонимание и остался в их жизнях навсегда, что подтверждают строки их взрослых писем к поэту. «Погода лейб-гвардии Петергофская, как говорит папа; очень тепло, и маленький морской ветер прохлаждает воздух. Я много занимаюсь, (...) читаю с учителями, и одна на всех языках. Только не на негодном немецком: я и в руки немецкую книгу не беру. Не браните меня о том; вы же не виноваты: кто переводит так хорошо, что русский перевод лучше оригинала? Кто перевел Ундину? Кто?», — пишет Мария Николаевна путешественнику по Европе Жуковскому из Коттеджа²⁷.

«Часто, часто буду читать эту книгу и вспоминать о милом друге, так давно, так искренно преданном нашему семейству. Я многим вам обязана с самого детства», — благодарит Жуковского в 1842 года из Штутгарта Ольга Николаевна²⁸. Отношения с Жуковским во многом определили отношение к словесности представителей династии Романовых. Поэт-романтик внес в их жизнь достойное отношение к Пушкину и любовь к литературе, которую многие из них сохраняли на протяжении всей жизни.

Список литературы

- Ахматова А.А. Тайна и соблазн: Проза. СПб., 2011.
 Вересаев В.В. Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. Т. 2. М., 1936.
 Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М., 1986.
 Иезуитова Р.В. Пушкин и «Дневник» В. А. Жуковского 1834 года // Пушкин: Исследования и материалы. Т.8. Л., 1978.

²⁵ Цит. по: Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. М., 1986. С. 72.

²⁶ Ахматова А.А. Тайна и соблазн: Проза. СПб., 2011. С. 143.

²⁷ Переписка великой княгини Марии Николаевны с В.А. Жуковским // Русский архив. 1895. № 8. С. 430.

²⁸ Письмо королевы Вюртембергской Ольги Николаевны к В.А. Жуковскому // Русский архив. 1895. № 8. С. 448.

- Мануйлов В.А.* Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М., 1964.
- Письма А.С. Пушкина к жене. Сост., статья и коммент. Я.Л. Левкович. СПб., 2019.
- Пушкин в переписке родственников/ Публ., предисл. и коммент. В. Враской // Александр Пушкин. Литературное наследство. Т. 16/18. М., 1934.
- Пушкин А.С.* Дневники // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 8. Л., 1978.
- Пушкин А.С.* Документы к биографии: 1830–1837 / Сост. С.В. Березкина, В.П. Старк; Подгот. текстов С.В. Березкиной, И.В. Васильевой, А.В. Дубровского, Т.И. Краснобородько, А.С. Лобановой, В.П. Старка; Примеч. С.В. Березкиной. СПб., 2010.
- Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988.
- Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1823–1842 // Николай I: Муж. Отец. Император / Сост., предисл. Н.И. Азаровой. М., 2000.
- Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания и дневники / Пер. с франц. Л.В. Гладковой. М., 2004.

References

- Ahmatova A.A. Tajna i soblazn: Proza [Mystery and temptation: Prose]. SPb., 2011. (In Rus.).
- Veresaev V.V. Pushkin v zhizni: Sistematiceskij svod podlinnyh svidetel'stv sovremennikov [Pushkin in Life: A Systematic set of authentic testimonies of contemporaries]. T. 2. M., 1936. (In Rus.).
- Gershtejn E. Sud'ba Lermontova [The Fate of Lermontov]. M., 1986. (In Rus.).
- Iezuitova R.V. Pushkin i «Dnevnik» V. A. Zhukovskogo 1834 goda // Pushkin: Issledovaniya i materialy [Pushkin and the “Diary” of V. A. Zhukovsky in 1834 // Pushkin: Research and Materials]. T.8. L., 1978. (In Rus.).
- Manujlov V.A. Letopis' zhizni i tvorcestva M.YU. Lermontova [Chronicle of the life and work of M.Y. Lermontov]. M., 1964. (In Rus.).
- Pis'ma A.S. Pushkina k zhene [Letters of A.S. Pushkin to his wife]. Sost., stat'ya i komment. YA.L. Levkovich. SPb., 2019. (In Rus.).
- Pushkin v perepiske rodstvennikov [Pushkin in the correspondence of relatives] / Publ., predisl. i komment. V. Vraskoj // Aleksandr Pushkin. Literaturnoe nasledstvo [Literary heritage]. T. 16/18. M., 1934. (In Rus.).
- Pushkin A.S. Dnevniki [Diaries]// Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: V 10 t. T. 8. L., 1978. (In Rus.).
- Pushkin A.S. Dokumenty k biografii: 1830–1837 [Pushkin A.S. Documents for biography: 1830–1837] / Sost. S.V. Berезкина, V.P. Stark; Podgot. tekstov S.V. Berезkiной, I.V. Vasil'evoj, A.V. Dubrovskogo, T.I. Krasnoborod'ko, A.S. Lobanovoj, V.P. Starka; Primech. S.V. Berезkiной. SPb., 2010. (In Rus.).
- Sollogub V.A. Povesti. Vospominaniya [Stories. Memories]. L., 1988. (In Rus.).
- Son yunosti. Vospominaniya velikoj knyazhny Ol'gi Nikolaevny. 1823–1842 // Nikolaj I: Muzh. Otec. Imperator [The dream of youth. Memoirs of Grand Duchess Olga Nikolaevna. 1823–1842 // Nicholas I: The Husband. Father. Emperor] / Sost., predisl. N.I. Azarovoj. M., 2000. (In Rus.).
- Tyutcheva A.F. Pri dvore dvuh imperatorov: Vospominaniya i dnevniki [At the Court of two Emperors: Memoirs and Diaries] / Per. s franc. L.V. Gladkovoj. M., 2004. (In Rus.).